

А.Е. Ферсман

Воспоминания о камне

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

А11 **А.Е. Ферсман**
Воспоминания о камне / А.Е. Ферсман – М.: Книга по Требованию, 2012. –
169 с.

ISBN 978-5-458-30888-5

ISBN 978-5-458-30888-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О т а в т о р а

«Что мы знаем, так ничтожно,
по сравнению с тем, чего мы не
знаем».

(Предсмертные слова Лапласа 1827 г)

Не читайте эту книжку так, как читают увлекательный роман, подсмотрев его конец, а потом залпом — от первой страницы до последней.

Не читайте ее так — между делом, между газетой и радиоконцертом, между телефонным звонком и деловым разговором.

А читайте тогда, когда просто хочется отдохнуть, набраться новых впечатлений, окунуться в совсем иной, новый, мало кому знакомый мир.

Воспоминания о камне — история целой жизни, история своеобразной любви к природе, искания разгадок природных тайн в течение почти пятидесяти лет.

Такую книгу можно решиться писать, когда жизнь в основном уже прожита, когда последние отзвуки старых переживаний сливаются и заглушаются торжествующими волнами новых идей и побед человека нового поколения. И в этих могучих звуках настоящего, в ярко сверкающих красках сегодняшнего дня раство-

ряются эти картины прошлого так, как тонут неясные контуры утренних миражей в ярких солнечных лучах прекрасного дня.

И все же в этих воспоминаниях так много пережитого, передуманного, так много прошлого, которое любишь не потому, что оно было, а потому, что в нем были ростки нового, светлого будущего!

Москва

Март 1940 г.

ИСКРЫ ПРОШЛОГО

Темная, бурная ночь. Холодно, угрюмо и мрачно. Плотнo закутавшись в свой плед, сидит он, после тяжелой болезни, в кресле у окна, а за окном мириады снежинок носятся в вихре, то тихо и плавно падая на холодную землю, то снова в дикой пляске целыми потоками вздымаясь кверху, выше зеленых верхушек замерзших сосен, выше шпидей затерянных в лесу домов.

И, как эти снежинки, проносятся в его воспоминаниях картины прошлого, — нет, не самые важные и решающие моменты в его жизни, а тысячи каких-то мелочей, которые врезались в память ярче и резче самых сильных событий, — какие-то отдельные искры прошлого, царапины, которые не изгладились из памяти, хотя нередко ничтожны были сами причины и еще незаметнее были их следы.

* * *

...Я вижу себя шестилетним мальчиком, на берегу моря, около Афин; весь берег Елевсинской бухты усыпан серой и белой обточенной галькой, а я забавляюсь, бросая плоские камешки в тихо набегающую волну.

— А знаешь ли ты, что все эти камешки мрамор? — говорит мне отец, и слово «мрамор» врезается мне в память, как острый шип шиповника. — Это не простой камень, это тот мрамор, из которого построен Акрополь в Афинах...

«Мрамор, мрамор...». Я не могу успокоиться, перестаю бросать камешки, собираю лучшие, обточенные водой, бережно кладу их в спичечную коробку и храню, храню как талисман много десятков лет!

* * *

...Бал-премьера в московском Большом театре. Молодой студент впервые среди роскоши и богатства московского купечества и знати! Залиты ярким электричеством залы театра, сверкают, переливаются тысячами огней бриллианты и самоцветы на обнаженных плечах.

— Вот посмотри, это княгиня Юсупова. Синие-зеленые камни — старые изумруды Колумбии, а среди них

сверкает замечательный камень — бриллиант древней Голконды. Вот это кольцо, что так мертвенно блестит на шее этой красавицы, — это алмазы из Южной Африки, среди них известный солитер¹ в пятнадцать каратов чистой голубой воды; смотри, все-таки мертвы эти алмазы Капа, и не сравнятся им со старой Индией. Смотри, вон два камня, как капли крови, и смотри, какой нежной они окружены оправой из алмазных роз, как гармонируют они с этим выточенным как бы из слоновой кости греческим профилем. И как ярко горят они из-под черных выющихся волос! Вот эта брошь известна всей Москве. Это гранатовый кабшон² из Бирмы или Сиама (Таиланд); вокруг него как-то незаметно вьется струйка из дивных индийских бриллиантов. Говорят, что пришлось заложить два имения, продать часть своих фабрик иностранцам, чтобы купить эту замечательную брошь у индийского раджи. Впрочем, что говорить, — много слез и крови скрывается за блестящим огнем самоцветов; пожалуй, помнят это еще наши бабушки, но и они не любят рассказывать...

Я был первый раз на балу, меня туманили эти камни, этот нежный запах тончайших духов, этот мягкий колорит привезенных экспрессом из Ниццы фиалок, меня дурманили слова моего спутника, одного из представителей московской знати, его намеки на то, что эти камни много могли бы рассказать о себе и веселого и страшного, могли бы оживить много картин страсти и гнева, злобы и преступлений.

— Ну пойдём! — сказал мне мой спутник, с усмешкой смотря на мое растерянное лицо. — Я вижу, тебе не по нутру эта роскошь.

* * *

...Наконец мы на Риддере. Целый день, сгибая спины, ходим мы по подземным ходам, следим за мощными жилами серебристой свинцовой руды, собираем в пустотах и расщелинах кристаллики горного хрусталя, цинковой обманки,— мы целиком под впечатлением алтайских богатств. Все-таки как хорошо, когда снова выходим на солнышко: как ослепительно ярко горят снега Белков, шумит, бежит Громотуха, ласково и пышно разливается вокруг нас дивная алтайская природа, полная красок и цветов.

— Ну, теперь осталась только обогатилка! Там на столах Вильфлея ты увидишь, что делается с нашей рудой.

Дрожит деревянное здание дробилки, мощные щеки из марганцовистой стали сжимают в своих неумолимых тисках серую, невзрачную руду. Грязный водный поток увлекает растертую руду по желобам на большие столы,— они медленно, как-то неверно качаются, то содрогаясь судорожными движениями, то снова плавно покачиваясь на своих неустойчивых осях. Дрожат, мечутся в беспорядке кусочки руды: одни, что полегче, уносятся в потоках воды, другие тяжело падают на дно, расстилаясь по поверхности стола. Вот полоса черной цинковой руды, она занимает почти весь стол,— руда редких металлов: кадмия, галлия и индия. Дальше идет блестящая стальная полоса — это тяжелый свинцовый блеск с серебром, а по самому краю какой-то замечательной змейкой, яркой, тонкой, сверкающей, как искусная оправа, медленно плывут частички чистого золота...

Прошло с тех пор больше двадцати лет, но я не могу забыть этой сверкающей струйки настоящего золота...

* * *

Все эти картины для него сейчас в отдаленном прошлом: длинной вереницей, как снежинки за окном, тянутся воспоминания — то неясные, подернутые дымкой тумана, то яркие блески старых впечатлений.

Почти полстолетия жизни исканий и увлечений, почти полстолетия любви, упорной и упрямой, любви безраздельной к камню, к безжизненному камню природы, к самоцвету, к куску простого кварца, к обломку черной руды! И за эти многие десятки лет он научился языку этих безжизненных и мертвых тел, он познал многие тайны их существования, зарождения и гибели, он сроднился с их природой, таинственной и скрытой, с их великими законами гармонии и порядка.

И в кажущемся хаосе окружающего его мира он увидел, наконец, величайшие законы мировой гармонии, того созвучия всего и всех в мире, о котором говорили древнегреческие философы, и особенно Пифагор, к о с м о с а, как величайшей идеи порядка, красоты и мира, слитых воедино в этом слове! И он понял, что неразрывными узами связаны судьбы природы с судьбой человека и что познание природы есть один из самых могучих рычагов на пути победы человека над миром.

* * *

Так, одно за другим, как птицы или, скорее, стрекозы, проносились перед ним воспоминания о прошлом, они теснились в беспорядке, вне времени и пространства, слетаясь и переплетаясь то в развернутые ленты законченных картин, то в отдаленные обрывки, случайные, без начала и без конца. И замечательно, как это

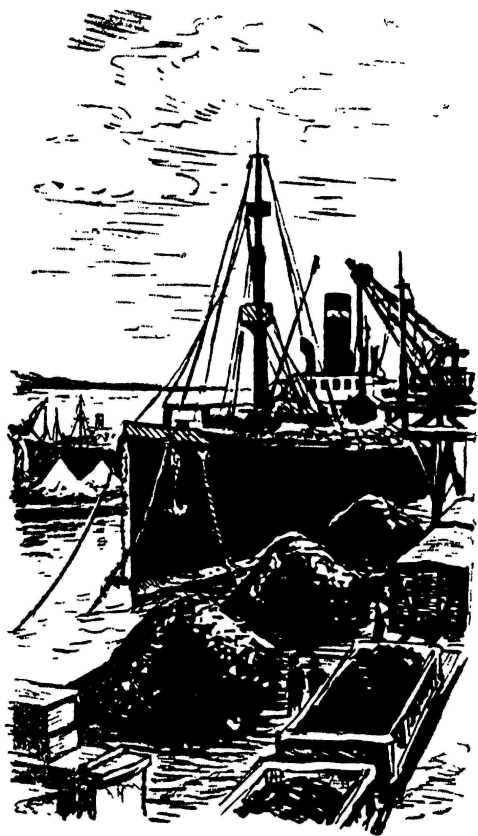
прошлое менялось в зависимости от настоящего, окрашивалось новыми красками...

Он записывал их, эти искры прошлого, сначала в темные зимние вечера, среди снежных бурь сосновых лесов; он кончал весной, той дышащей жизнью весной, когда кажется — даже мертвые камни горят более ярко; он писал, когда летнее солнце казалось растворенным во всей природе, в море, светлом, спокойном, в небе, залитом солнцем, в яркой листве, во всех переживаниях, мыслях, чувствах, исканиях, когда просыпаются новые силы к борьбе за светлую жизнь, когда, сильный и уверенный в самом себе, хочешь сбросить годы вместе со старым другом — чешским пледом.

И, вспоминая прошлое, он понимал, что из этого прошлого мы должны взять только то, что нам нужно, взять его так, чтобы прозорливее смотреть в будущее и безраздельно отдать этому будущему свои силы и свою жизнь!

ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ

Гудки, гудки, телеграф в машину: малый ход — есть задний, — снова протяжный гудок. А так еще хочется спать, хотя яркие лучи солнца врываются сквозь жалюзи кабины большого черноморского теплохода! Потом начинается возня на палубе, шумно спускают трап, мерно стучат моторы кранов, и слышно, как из глубоких трюмов выгружаются машины, мешки,

тюки, а в другие грузятся сотни ящиков мандаринов, табака, чайного листа...

«Вира, вира помалу, майна!» — доносятся знакомые с детства слова черноморских пристаней...

Солнце и звуки не дают заснуть, зовут на палубу, на берег земли.

Да! Это Поти. Углом разошлись громады цепей: снежной преградой стоит на севере Кавказский хребет, отдельными пиками высятся белые вершины турецкого Трапезунда; а между ними зеленая равнина Колхиды, залитая водами Риона; Колхида аргонавтов, будущая жемчужина кавказских предгорий!

Уже вытягиваются к небу громадные эвкалипты с их нежной листвой, благоухающие магнолии наполняют воздух острым запахом белых цветов, «золотисто-желтые цветы мимозы приносят в марте первое весеннее приветствие из Колхиды на снежные улицы Москвы».

Выстраиваются правильными рядами, как атомы в кристалле, деревья мандаринов и лимонов; по склонам холмов — зеленые бугорки чайных кустов, снова в том же строго геометрическом порядке, заимствованном человеком из великих законов кристаллов.

Солнце ослепляет еще заспанные глаза, сверкает и переливается синее море, сверкают вершины хребтов, и вдруг... две необычные картины приковывают наше внимание. Налево, как конусы маленьких вулканов, один за другим вдоль каменного мола высятся массы буро-черной земли. Огромные экскаваторы медленно, гордым движением своих пастей захватывают из вагонов тонны руды, высоко поднимают ее к небу, потом со скрежетом изрыгают черным дождем на вер-